

Семантика многозначных слов в тюркском кириллическом памятнике

Н.Г. Шаймердинова^а, А.Ш. Юсупова^б, Н. Рахаткызы^с

^аЕвразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

ORCID: 0000-0001-6088-2867

(E-mail: nurila1607@mail.ru)

^бКазанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

ORCID 0000-0003-4156-5705

E-mail: alyusupova@yandex.ru

^сЕвразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

ORCID: 0000-0001-5272-1852

(E-mail: nakuta@mail.ru). *Автор для корреспонденции: nakuta@mail.ru

ARTICLE INFO

Ключевые слова: тюркские графические системы, переход на латиницу и кириллицу, образовательно-художественные и религиозные тексты, «Киргизско-русский словарь», языковые и неязыковые знания, связь многозначности со знаком, асимметрия знака и значения, лексико-семантические варианты, семантика многозначности в Словаре, общие и дифферен-

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу многозначных лексем в «Киргизско-русском словаре», относящегося к XIX веку и написанного кириллической графикой. Тюркские народы, в отличие от других народов, в своей письменной традиции использовали множество графических систем, среди которых на протяжении нескольких столетий активно использовалась арабская графика в ее различных вариантах. Именно на арабской графике были созданы известные всем энциклопедические, высокохудожественные литературные, историко-хронологические, естественно-научные, лингвистические тюркские письменные памятники. Однако на рубеже XIX-XX веков в силу различных исторических, социально-политических, литературных, культурных тенденций тюркские народы начинают переходить на латиницу и кириллицу. Царская Россия поощряет переход тюркских народов на кириллицу и использует для этого грамотную часть населения. Так, в казахской степи власть опиралась на интеллигенцию, которая обучала народ азбуке и письму, распространяла художественные и религиозные тексты, самоучители и словари, к числу которых относится и «Киргизско-русский словарь», выдержавший два издания (1897 г. и 1903 г.). Словарь является уникальным памятником, в котором языковая информация тесно переплетается с культурной, передачей традиций и обычаев казахов, тем самым в Словаре в синтезе языковых и неязыковых знаний раскрываются язык и культура, представления об окружающем мире, картина мира казахов на рубеже столетий. В

циальные семы,
сопоставление с
древнетюркским
и современными
тюркскими
языками
(казахским и
кыргызским),
семантическая
вариативность

МРНТИ 16.21.51

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-3-161-186>

языковом плане Словарь привлекает насыщенностью исторической лексики и многозначностью словарного фонда. В целях раскрытия смыслового потенциала слов многозначность в статье рассматривается сквозь призму знаковой (семиотической) системы. Однако в окружающей действительности отношения между знаком и языковым значением варьируются, их содержание (или объем) могут совпадать, тогда мы имеем с однозначностью слова (моносемией), либо в содержании знака и языкового значения могут быть расхождения, что ведет к полисемии, многозначности слова. Данная теоретическая база знаковости многозначных слов нашла подтверждение в анализе лексем Словаря. В процессе исследования авторами были выявлены лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных слов, определены их общие и дифференциальные семемы (последние раскрывают отношения между ЛСВ). Анализ лексико-семантических вариантов многозначных лексем Словаря еще раз подтвердил асимметричность знака и языкового значения в тюркских языках. Для исследования преемственности семантики слов в исторической хронологии делается сопоставительный анализ многозначных слов в Словаре с многозначными словами древнетюркской эпохи и более позднего периодов, а также современных казахского и кыргызского языков. Словарный фонд памятника является ярким показателем смыслового богатства тюркских языков, трансформации лексического значения и её преемственности в исторической традиции и в современных тюркских языках.

N.G. Shaimerdinova^a

^aL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

ORCID: 0000-0001-6088-2867

(E-mail: nurila1607@mail.ru)

A.Sh. Yusupova^b

^bKazan Federal University, Kazan, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4156-5705

(E-mail: alyusupova@yandex.ru)

Received 20 June 2026. Revised 22 July 2026. Accepted 25 August 2026. Available online 30 September 2026.

Для цитирования: Н.Г. Шаймердинова, А.Ш. Юсупова, Н. Рахаткызы Семантика многозначных слов в тюркском кириллическом памятнике // Turkic Studies Journal. 2026. Т. 8. № 3. 161-186 б. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-3-161-186>

For citation: N.G. Shaimerdinova, A.Sh. Yusupova, N., Rakhatkyzy The semantics of polysemous words in a Turkic cyrillic written monument // Turkic Studies Journal. 2026. V. 8. № 3. P. 161-186. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-3-161-186>

***N. Rakhatkyzy^c**

^c*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan*

ORCID:0000-0001-5272-1852

(E-mail: nakuta@mail.ru)

**Corresponding author: nakuta@mail.ru*

The semantics of polysemous words in a Turkic cyrillic written monument

Abstract. This article examines polysemous lexical units in the Kyrgyz–Russian Dictionary, a 19th-century lexicographic monument written in Cyrillic. Unlike many other peoples, Turkic peoples have employed a variety of writing systems throughout their written history. Among these, forms of the Arabic script were used for several centuries. Numerous encyclopedic, literary, historical, chronological, natural-scientific, and linguistic written monuments of the Turkic peoples were produced in the Arabic script. However, at the turn of the 19th and 20th centuries, historical and sociopolitical developments led Turkic peoples to gradually adopt the Latin and Cyrillic alphabets. The Russian Empire promoted the transition of Turkic peoples to the Cyrillic script, relying in part on the educated population. In the Kazakh steppe, representatives of the Kazakh intelligentsia contributed to this process by promoting literacy and education and disseminating literary and religious texts, self-study manuals, and dictionaries. One such publication was the Kyrgyz–Russian Dictionary, published in two editions, in 1897 and 1903. The dictionary is a unique lexicographic monument in which linguistic information and cultural knowledge are closely intertwined, reflecting the traditions and customs of the Kazakh people. Through the integration of linguistic and extralinguistic knowledge, the dictionary provides insights into the language, culture, and worldview of the Kazakh people at the turn of the century. From a linguistic perspective, the dictionary is notable for its rich historical vocabulary and abundance of polysemous lexical units. To reveal the semantic potential of lexical units, polysemy is examined from the perspective of the semiotic system. In objective reality, however, the relationship between a sign and its linguistic meaning may vary. When the content or scope of a sign fully corresponds to its linguistic meaning, monosemy (a single meaning) arises. Conversely, discrepancies between the content of a sign and its linguistic meaning give rise to polysemy. The analysis of the lexical units presented in the dictionary confirms this theoretical understanding of the nature of polysemy. The authors identify the lexical-semantic variants (LSVs) of polysemous words and determine their common and differential sememes. The latter make it possible to establish the semantic relationships among the LSVs. The analysis of polysemous lexical units in the dictionary demonstrates the asymmetrical relationship between linguistic signs and meanings in Turkic languages. To investigate the continuity of lexical semantics throughout historical development, the article provides a comparative analysis of polysemous words found in the dictionary with their counterparts in Old Turkic and later historical periods, as well as with corresponding forms in modern Kazakh and Kyrgyz. The lexical corpus of this written monument also demonstrates the semantic richness of Turkic languages, the historical transformation of lexical meanings, and the continuity of these meanings across historical periods and in contemporary Turkic languages.

Keywords: Turkic writing systems, transition to the Latin and Cyrillic alphabets, educational, literary and religious texts, Kyrgyz-Russian Dictionary, linguistic and extralinguistic knowledge, the relationship between polysemy and the linguistic sign, asymmetry of sign and meaning, lexical-semantic variants, semantics of polysemy in the Dictionary, common and differential semes, comparison with Old Turkic and modern Turkic languages (Kazakh and Kyrgyz), semantic variation.

Н.Г. Шаймердинова^а

*^аЛ.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
Республикасы*

ORCID: 0000-0001-6088-2867

(E-mail: nurila1607@mail.ru)

А.Ш. Юсупова^б

^бҚазан федеральдық университеті, Қазан, Ресей Федерациясы

ORCID 0000-0003-4156-5705

(E-mail: alyusupova@yandex.ru)

Н.Рахатқызы^с

*^сЛ.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
Республикасы*

ORCID:0000-0001-5272-1852

(E-mail: nakuta@mail.ru)

**Байланыс үшін автор: nakuta@mail.ru*

Кирилл графикасымен жазылған түркі ескерткішіндегі көпмағыналы сөздердің семантикасы

Аннотация. Мақала XIX ғасырда кирилл графикасымен жазылған «Қырғызша-орысша сөздіктегі» көпмағыналы лексемаларды талдауға арналған. Түркі халықтарының басқа халықтардан ерекшелігі – өздерінің жазба дәстүрінде көптеген графикалық жүйелерді қолданғандығы. Әсіресе әртүрлі нұсқалардағы араб графикасы бірнеше ғасыр бойы кеңінен пайдаланылды. Түркі халықтарының энциклопедиялық, жоғары көркем әдеби, тарихи-хронологиялық, жаратылыстану ғылымдарына қатысты және лингвистикалық жазба ескерткіштерінің басым бөлігі дәл осы араб графикасымен жазылған. Алайда XIX-XX ғасырлар тоғысында әртүрлі тарихи, әлеуметтік-саяси және мәдени үдерістердің ықпалымен түркі халықтары біртіндеп латын және кирилл графикасына көше бастады. Патшалық Ресей түркі халықтарының кирилл жазуына көшуін қолдап, бұл үдеріске халықтың сауатты бөлігін тартты. Мәселен, қазақ даласында ұлт зиялылары қарапайым халыққа әліппе мен жазуды үйретіп, көркем әдеби және діни мәтіндерді, өздігінен оқуға арналған оқу құралдары мен сөздіктерді таратумен айналысты. Осындай еңбектердің бірі – екі рет басылып шыққан (1897 және 1903 жылдары) «Қырғызша-орысша сөздік». Бұл сөздік – тілдік ақпарат мәдени мазмұнмен, қазақ халқының салт-дәстүрлері

және әдет-ғұрыптарының сипаттамасымен тығыз ұштасқан бірегей жазба ескерткіш. Сөздікте тілдік және тілден тыс білімдердің синтезі арқылы қазақ халқының тілі мен мәдениеті, қоршаған орта туралы танымы және ғасырлар тоғысындағы дүниетанымы көрініс тапқан. Тілдік тұрғыдан алғанда сөздік тарихи лексиканың молдығымен және сөздік қордағы көпмағыналы сөздердің байлығымен ерекшеленеді. Сөздердің мағыналық әлеуетін ашу мақсатында көпмағыналылық таңбалық (семиотикалық) жүйе тұрғысынан қарастырылады. Алайда объективті шындықта таңба мен тілдік мағына арасындағы қатынас әртүрлі сипатта болады. Олардың мазмұны (немесе көлемі) толық сәйкес келген жағдайда сөздің бірмағыналылығы (моносемия) байқалады. Ал таңба мазмұны мен тілдік мағына арасында айырмашылықтар болған жағдайда полисемия, яғни көпмағыналылық қалыптасады. Көпмағыналы сөздердің таңбалық табиғатына негізделген бұл теориялық тұжырым сөздік лексемаларын талдау барысында өз дәлелін тапты. Зерттеу барысында авторлар көпмағыналы сөздердің лексика-семантикалық варианттарын (ЛСВ) анықтап, олардың ортақ және дифференциалды семемаларын сипаттады. Соңғылары лексика-семантикалық варианттар арасындағы өзара қатынастарды айқындайды. Сөздіктегі көпмағыналы лексемалардың лексика-семантикалық варианттарын талдау түркі тілдерінде таңба мен тілдік мағына арасындағы асимметрияның бар екендігін тағы бір мәрте дәлелдеді. Сонымен қатар сөз семантикасының тарихи сабақтастығын анықтау мақсатында мақалада Сөздіктегі көпмағыналы сөздер көне түркі дәуірі мен кейінгі тарихи кезеңдердегі көпмағыналы сөздермен, сондай-ақ қазіргі қазақ және қырғыз тілдеріндегі сәйкес қолданыстарымен салыстырмалы түрде талданады. Ескерткіштің сөздік қорын түркі тілдерінің мағыналық байлығын, лексикалық мағынаның тарихи даму барысында трансформациялануын және оның тарихи дәстүр мен қазіргі түркі тілдеріндегі сабақтастығын айқын көрсететін маңызды дереккөз деп атай аламыз.

Кілт сөздер: түркі графикалық жүйелері, латын және кирилл графикасына көшу, ағартушылық-көркем және діни мәтіндер, «Киргизско-русский словарь» (Қырғызша-орысша сөздік), тілдік және тілден тыс білімдер, көпмағыналылықтың таңбамен байланысы, таңба мен мағынаның асимметриясы, лексика-семантикалық варианттар, сөздіктегі көпмағыналылық семантикасы, ортақ және дифференциалды семалар, көне түркі және қазіргі түркі тілдерімен (қазақ және қырғыз тілдерімен) салыстыру, семантикалық вариативтілік.

Введение

Письменность тюркских народов на протяжении полутора тысячелетия в силу различных исторических, социальных, ареально-культурных причин функционировала на базе несколько график. По сравнению с другими народами Востока и Запада, у которых была только одна графика с ее историческими видоизменениями, для тюркских народов смена графических систем была экспериментальной площадкой, несущей определенные риски психологически-ментального, личностного и этнокультурного характера. На рубеже XIX – XX веков арабоязычная письменность тюркских народов меняется на латиницу и кириллицу. Как показывают исторические перипетии, смена графических систем чаще всего связана была с политикой государства. Так, переход на

кириллицу народов Центральной Азии инициируется царским правительством России при поддержке образованной интеллигенции (К.Д. Ушинский, Н.И. Ильминский, М.А. Терентьев, П.М. Мелиоранский, В.В. Катаринский), которые привлекали к этой деятельности национальную интеллигенцию, например, представителей казахской интеллигенции И. Алтынсарина, И. Букина и других. Для обучения казахов на родном и русском языках появились материалы на кириллице, к числу которых следует отнести работы Н.И. Ильминского «Материалы к изучению киргизского наречия». – Казань, 1861; А.Е. Алекторова «К мудрости ступенька, Азбука для учеников начальных русско-киргизских школ». – Москва, 1891; А.Е.Алекторова «Киргизская хрестоматия». – Оренбург, 1898; И.Алтынсарина «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку». – Оренбург, 1871; И.Алтынсарина «Жазуға үйрететін кенеге». – Казань, 1892; И.Букина «Русско-киргизкий и киргизско-русский словарь». – Ташкент, 1883 и другие.

Властью была создана специальная переводческая комиссия, благодаря которой были переведены и написаны религиозные тексты, буквари, словари, самоучители для казахов. Эти кириллические памятники до настоящего времени находились в российских архивах, и стали они доступны широкой общественности совсем недавно, так что можно их считать новыми архивными кириллическими памятниками. Исследование этих кириллических текстов актуально и необходимо в двух аспектах. С одной стороны, в них запечатлены язык и культура тюркских народов в конкретную историческую эпоху; с другой, – памятники раскрывают исторические закономерности развития языковой системы тюркских языков, их преемственные связи с современными тюркскими языками в орфоэпической, фонетико-фонологической, лексико-семантической, морфологической подсистемах.

В данной статье мы рассматриваем двуязычный казахско-русский словарь «Киргизско-русский словарь», называемый «киргизским», поскольку известно, что в силу сложившихся историко-социальных причин казахов в царской России называли «киргизами». Одной из основных задач в исследовании Словаря¹ является изучение лексической семантики, определение семантической преемственности или семантических изменений общеупотребительных тюркских слов в их исторической традиции. Весьма востребованным в данном контексте является исследование многозначных слов, достаточно широко представленных в Словаре. *Цель статьи:* рассмотреть семантику многозначных слов в контексте знаковой семиотической системы с учётом исторического развития лексической семантики тюркских языков; раскрыть семантику многозначных слов в сопоставлении с многозначными словами в древнетюркском языке, в других тюркских языках позднего времени, а также с многозначными словами современных казахского и киргизского языков в целях определения семантических трансформаций.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть историко-культурную ситуацию и причины перехода тюркских народов на рубеже XIX – XX веков на кириллицу;
- раскрыть семантику многозначности сквозь призму семиотической теории, позволяющей обосновать асимметрию между знаком и языковым значением как проявление полисемии;

¹ Примечание: в дальнейшем для удобства исследования памятник обозначаем как Словарь

- определить референтные свойства многозначных слов в Словаре, общие и дифференциальные семы ЛСВ, а также их связи между собой;
- рассмотреть истоки семантических связей многозначных лексем Словаря в древнетюркском языке и преемственность значений в современных тюркских языках (казахском и кыргызском).

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили кириллические тексты на рубеже XIX и XX веков, в частности, «Киргизско-русского словаря». Словарь издан в Оренбурге в конце XIX - начале XX вв., в настоящее время существует два издания словаря: первое 1897 года, которое хранится в Москве, в фондах Института языкознания РАН. Киргизско-русский словарь. – Оренбургъ. Типо-литографія Б.А. Бреслина, 1897. – 232 с.

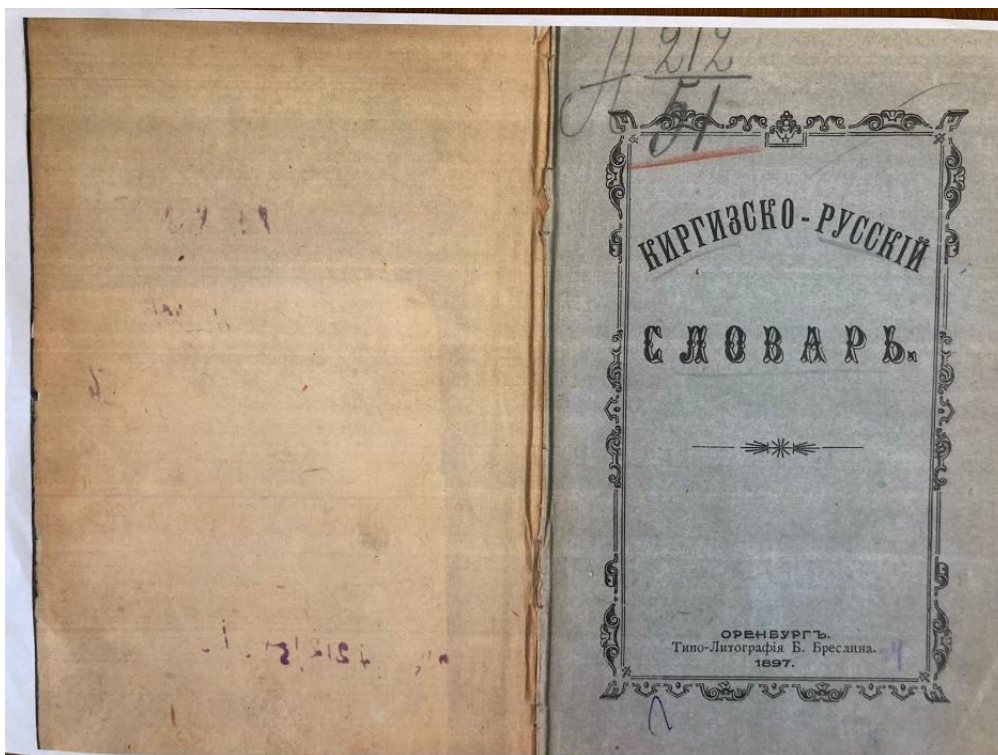

Рис.1 Первое издание словаря в 1897 г.

Fig. 1. The first edition of the dictionary, published in 1897.

1-сур. Сөздіктің 1897 ж. жарық көрген алғашқы басылымы.

Во второй раз также Словарь опубликован в Оренбурге в той же самой типографии, но в начале XX века, в 1903 году, и книга хранится в библиотеке Казанского федерального университета в Казани: Киргизско-русский словарь. Издание второе. – Оренбургъ. Типо-литографія Б.А. Бреслина, 1903 – 233 с.

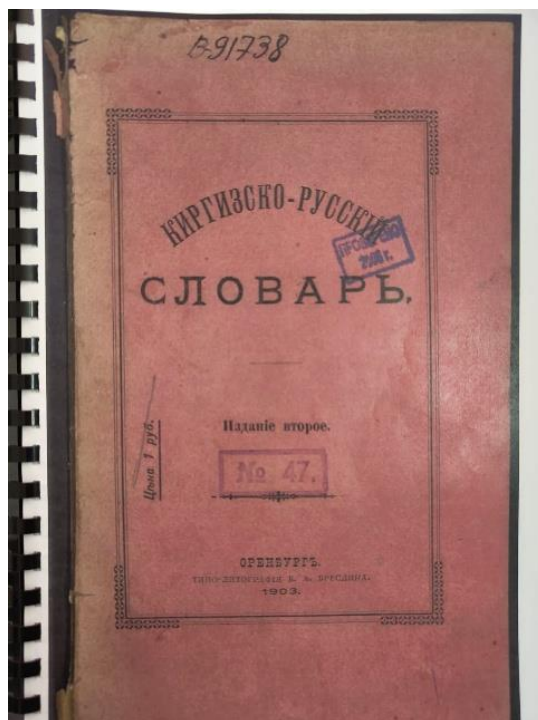

Рис.2 Второе издание словаря в 1903г.

Fig. 1. The second edition of the dictionary, published in 1903.

1-сур. Сөздіктің 1903 ж. жарық көрген екінші басылымы.

Следует также отметить, что по содержанию оба издания идентичны, фактически не различаются, за исключением некоторых моментов технического оформления.

Для освещения историко-культурного контекста перехода на кириллицу используются также и другие кириллические тексты той эпохи: «Езгиликке үйрететин кнеге». Училище благочестія на киргизскомъ языке. Издание 3. - Казань, Типография М.А. Чирковой. 1892; «Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге». - Казань, Типография Императорскаго университета. 1892.

Методы исследования: для достижения поставленной цели в статье используются общенаучные методы (от общего к частному, от частного к общему и т.п.), методы гуманитарных наук, а также приемы и средства лингвистической тюркологии, которые применяются в разрезе теории семантического анализа, где многозначность слова рассматривается сквозь призму знаковой теории. Семантический анализ осуществляется в определенной методологии, алгоритме: выявляются референтные предметы знака, на основе которых определяется главное значение слова, устанавливаются лексико-семантические варианты и их общие семы, а также раскрываются отношения между ЛСВ.

Смысловые идентификации и трансформации значения лексем Словаря рассматриваются, исходя от их истоков пратюркского, древнетюркского языков и тюркских языков более позднего времени. Для этого используются древнетюркский словарь

и этимологический словарь тюркских языков Э.Севортяна. Синхронные связи рассматриваются в сопоставлении с современными тюркскими языками (казахским и кыргызским), для анализа которых используются двуязычные и толковые словари современных тюркских языков.

Степень изученности проблемы

Отмеченные нами новые кириллические тексты фактически малоизучены, поскольку до недавнего времени они были недоступны и благодаря ученым Института языкознания РАН появилась возможность их изучения, в т.ч. совместных исследований казахстанских и российских ученых. Так, связи этих кириллических текстов с казахскими диалектами и освещению в них системы вокализма была посвящена статья Ю.В. Норманской и Н.Г. Шаймердиновой «Гласные первого ряда в казахских говорах (новые архивные и полевые материалы)»//Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: Материалы Дмитриевских чтений/Отв.ред. Д.М.Насилов, Е.А.Оганова.М., 2016. (Шаймердинова, Норманская, 2016: 177-215). Несколько статей, посвященных анализу языковой системы данных кириллических текстов в сравнительно-сопоставительном и концептуальном аспектах, написаны Н.Г. Шаймердиновой (Shaimerdinova, 2015: 147-156; Шаймердинова, 2016: 158-175; Шаймердинова, 2018: 492-500; Шаймердинова, 2019: 73-88).

Анализ

«Киргизско-русский словарь» по своему содержанию является уникальным памятником и написан в контексте развития ономотологических знаний прошлых эпох. «Словарь является показателем развития тюркской лингвистики определенной исторической эпохи, развития тюркской лексикографии середины XIX и начала XX вв. В Словаре, с одной стороны, раскрываются языковые понятия и значения, с другой стороны, в нём достаточно подробно описываются тюркские, казахские обычаи, обряды и ритуалы» (Шаймердинова, 2019: 77). Тем не менее главной отличительной особенностью словарного фонда памятника, с точки зрения исследователей, является семантическая «нагруженность» лексем, раскрывающая потенциал многозначных слов. Многозначность лексем, или полисемия, исследуется нами как категория семасиологическая, где многозначное слово интерпретируется как знаковая единица, способная обозначать различные классы предметов, явлений, процессов и признаков окружающего мира. Полисемия, на наш взгляд, обусловлена референтными возможностями слова, как свойство знака представлять в своей форме многообразие внеязыковой действительности. В данном контексте нельзя не согласиться с Л.Новиковым, утверждавшим, что «основа полисемии – это своеобразная «сетка отношений», на которую как бы нанизываются лексико-семантические варианты, отражающие те или иные предметы (явления, признаки и т.п.) действительности» (Новиков, 1982: 193).

Связь многозначности с семиотикой обусловлена референтными свойствами знака обозначать различные предметы действительности одним словом, однако содержание или объём знака может не совпадать с языковым значением слова, что ведет к асимметрии

знака и значения. Различная степень асимметрии знака и значений (т.е. величина «зазора» между ними) соответствует разной степени развития в слове семантической нагруженности, и тогда мы имеем дело с проявлением либо однозначности (моносемии), либо многозначности (полисемии), либо омонимии (распадом полисемии). Моносемия – частный случай полисемии, когда знак обладает всего одним значением, знак и значение полностью покрывают друг друга. Научные термины, охватывающие разные сферы научной деятельности и обладающие одним значением, относятся к сфере моносемии (морфема, фонема, синтагма и т.д.). Однако асимметрия знака и значения, наличие большого «зазора» между знаком и языковым значением ведет к полисемии, когда знак представляет большое количество предметов действительности, и все это выражается через семантику одного слова. Асимметрия знака и значения, их семантическая вариативность, диффузность многозначного слова нашла отражение в трудах ряда ученых (С.О.Карцевский, Ш.Бали, Ю.Д.Апресян, Л.А.Новиков, Д.Н.Шмелев, И.М.Кобозева и др.). Так, закон асимметрии знака и значения был изначально открыт С.О.Карцевским (Карцевский, 1965: 85). При несовпадении содержания знака и значения принцип диффузности многозначного слова считается одним из главных факторов, определяющих его семантику. И.М. Кобозева отмечает, что узуальное значение диффузно, коль покрывает ряд очень близких, но не полностью совпадающих означаемых. Иначе говоря, множество употреблений, которому сопоставляется одно узуальное значение, один инвариант, является нечетким, размытым множеством (Кобозева, 2007: 158). В тюркских языках важность диффузности многозначных слов в исторических праформах, в вертикальных и горизонтальных срезах имен и глагола нашли отражение в исследованиях Э.А. Груниной, А.М. Щербака, Е. Кажибек (Кажибек, 1988: 43; СИГТЯ, 2006).

Известно, что в многозначном слове, как правило, существует несколько лексико-семантических вариантов слова (ЛСВ), или узуальных значений либо узем, представляющих собой несколько предметов-референтов действительности. **Лексико-семантические варианты многозначного слова связаны между собой наличием общей семы**, отношения между уземами в системе языка повторяются, закономерны и регулярны. В семантике многозначного слова отношения между ЛСВ имеют метафорический и метонимический характер, а отношения между главным и частными значениями многозначного слова Ю.Д. Апресян определяет, как топологические – радиальные, цепочные, смешанные (Апресян, 1995:182). В качестве иллюстрации рассмотрим многозначное слово *етек*. 1. Киім өнірінің төменгі жағы. 2. Тау т.б. заттың төменгі жағы. *Біздің ауыл Ақшоқы таудың етегінде* (ҚТС, 1999: 185). В слове есть два ЛСВ слова (*киімнің етегі, таудың етегі*), хотя может быть их и больше (*тонның етегі, төсектің етегі* и т.п.). Общая сема – обозначение «какого-либо края», отношения между ЛСВ – метафорические, поскольку перенос значения по форме первого предмета, отношения между главным и частными значениями выстраиваются в цепочные параллели.

Асимметрию между знаком и языковым значением с их семантическими экспликациями, лексико-семантическими вариантами и отношениями рассмотрим на примере многозначных слов в «Киргизско-русском словаре» в их сопоставлении с общетюркскими истоками, в историческом развитии тюркских языков и в контексте современных тюркских языков.

Бос – «пустой, простой, праздный, досужий, незанятый, вялый, лѣнивый, бессильный, не связанный. Ноги у лошади не запутаны. Колум бос. ‘Я не занятъ, свободенъ’. Бос келеди. ‘Идетъ порожнякомъ’. Бос су. ‘Вода рѣчная или озерная (какъ достающаяся даромъ, въ противоп. кудук)’. Бос навсегда откочевать изъ родины, напр. отъ непріятеля. Боскун. ‘Бѣгство» (Кирг-РС, 1903: 48). Главное значение обусловлено несколькими референтами знака и обозначает признак предмета. В слове пять лексико-семантических вариантов, объединенных общим значением – ‘отсутствие чего-либо’: 1) свободные от пут лошади; 2) человек свободный от дел ‘колум бос’; 3) пустой, незагруженный Бос келеди.; 4) отсутствие колодца Бос су. 5) откочевка, вынужденная миграция в значении ‘оставить пустым обжитое место, аул’ Боскун.

Первые три ЛСВ слова восходят к древнетюркскому языку, к языку рунических памятников. В древнетюркском языке слово *boš* и обозначает 1. свободный, пустой, не находящийся в употреблении *boš ev* (МК III 125); 2. Неспутанный, вольный, свободно пущенный *boš jilgi*, свободно выпущенные кони (МК I130); 3. Независимый, пользующийся свободой *boš kiši*, свободный человек (МК III 124) (ДТС, 2016: 121).

В современном казахском языке сохранились первые три значения Словаря, а также бос в значении «вялый, лѣнивый, бессильный» как «жұмсақ, болбыр» (совр. каз.). Однако следует отметить, что семантическое поле многозначности расширилось: в современном казахском языке есть *құр, бекер, жай – әңгіме*, сөз, а также наблюдается распад полисемии. Бос II. *Ақылсыз, пұлсыз, тегін*. Жарамас бос олжаға арланғаның – Абай (КТС, 1999: 106). Отличительной особенностью многозначной семантики слова в Словаре являются его четвертый и пятый лексико-семантические варианты, раскрывающие социальные аспекты исторической эпохи.

Буршак – «горохъ, градъ, родъ чѣтокъ, петли на веревкѣ, которыя надѣваютъ на шею ягнятъ, когда их привязываютъ. Мойунга буршак салып тле. ‘Умолять всей душой, отъ души’. Тер буршактайды. ‘Льется градомъ потъ’. Жас буршактайды. ‘Льются градомъ слезы» (Кирг-РС 1897: 52). Главное значение определяется через смыслы разных референтов как обозначение предмета. В слове несколько ЛСВ, общим для которых является обозначение ‘округлости’: 1) горошинки; 2) четки круглой формы; 3) градины, которые тоже могут круглыми; 4) округлые петельки на веревках; 5) капли пота – Тер буршактайды. Жас буршактайды. В глаголе буршактайды по отношению к другим ЛСВ выражается метафоричность значения (сходство по форме и функции) – слезы, как горошины. В современном казахском языке в слове *бұршақ* указанные выше лексико-семантические варианты сохранились. Но появилось значение, обозначающее женские украшения круглой формы, например, браслеты и заколки: *Тізбектеліп түйілген түймек*. ‘Украшение в виде цепочки’. *Бұрама білезіктен екі басына бұршақтар келтіреді*. ‘Концы браслета закручивались, как горошины’ (ҚТС, 1999: 120).

Дәри – «лѣкарство, порошок» (Кирг-РС 1897: 55). Главное значение – обозначение предмета. Что может объединять лекарство и порошок? Некое вещество, ингредиент, имеющийся в составе и лекарства, и пороха. Истоки многозначности восходят к древнетюркскому языку, в котором есть похожее слово *daru* в значении лекарства, средства для лечения болезни «*otaııl daru birlä bolııl qamı* средства от всех этих недугов находятся в твоих руках (букв. у тебя); лечи их лекарствами, стань их исцелителем» (QVK 312) (ДТС, 1964: 64).

В современном казахском языке *дәрі*, с одной стороны, сохранило семантическую преемственность (лекарство и порох): ‘порох’ *мылтық дәрі*, ‘бездымный порох’ *түтінсіз дәрі* [РКС, 1954: 577]. С другой стороны, семантика слова расширилась, появились переносные значения ‘снадобье’, ‘необходимость’: <...> 3. ауыс (перен.). *Жанға жайлы, ем-шіпа*. ‘Снадобье-лекарство для души’. *Ауруға – ем, сауға – қуат дәрі қымыз*. ‘В болезни – лекарство, для жизни – сила кымыз’ (Жамбыл). 4. *Қажет, зәру*. ‘Необходимость’. *Ондай маскүнем кімге дәрі ? ‘Кому нужен такой пьяница?’* (О. Сәрсембаев) (ҚТС 1999: 148).

Ез – «растолочь, растворять въ водѣ; кляузничать, говорить кляузы съ намѣреніемъ, уклониться отъ правосудія; говорить попусту» (Кирг-РС, 1903: 59). Общая сема ЛСВ – обозначение ‘предельного действия’ («растолочь, растворять»), выражающий, с одной стороны, эмоционально-оценочную экспрессию ‘кляузничать’, другой, – несущественный разговор ‘болтовню’, говорение ‘впустую’. ЛСВ связаны между собой топологической цепочной многозначностью. Конструкция «уклониться отъ правосудія», возможно, является омонимичным. Ни один из словарей современного казахского языка не фиксирует *ез* в значении ‘кляузничать’. Однако слово семантически обогатилось переносными значениями *ез* в метафорическом обозначении ‘несчастный’, ‘бедолага’: <...> 2. ауыс.(перен.) *Мүсәпір, бейшара, сорлы*. ‘Несчастный, бедолага’. *Ездерге осы керек*. ‘Пустословам это и нужно’ (Б. Муқанов). В значении ‘усталый, раздавленный’: 3. *Жол ұрып, жол соқты болу*. ‘Дорога, тяжелая, вымотала’. *Ұзақ жол мені әбден езіп тастады*. ‘Длинная дорога совершенно измотала меня’ (Кенжебаев). Также появилось и новое значение ‘использовать’: *Ез – біреудің еңбегін пайдалану, қанау*. ‘Использовать кого-то’. Байлардың бізді езіп келгенін газет арқылы білді. ‘О том, что богатые использовали нас, узнали из газет’ (Бекенов) (ҚТС, 1999: 167).

Жапырақ – «лист (древесный); кусочки, на которые разрѣзываютъ (турайды) мясо. *Жапырақ түйө*. ‘Верблюды съ лежащих горбов’. *Жапырақта*. ‘Крошитъ на кусочки» (Кирг-РС, 1897: 71). Главное значение – обозначение предмета в природе и социуме. Общая сема для двух узуальных значений ‘маленькие формы’ листьев дерева и кусочков мяса. Уземы связаны между собой цепочной топологической связью, поскольку значение второго ЛСВ определяется значением первого ЛСВ (кусочки мяса в сознании носителя языка уподобляются листочкам), или, как отмечает Ю.Д.Апресян, новое значение мотивировано ближайшим к нему значением (Апресян 1995: 182). Словосочетание *Жапырақ түйө* не встречается в современном казахском языке, по всей видимости, авторы словаря перепутали со словом *түйе жапырақ*, *түйежапырақ* (лопух).

Исторически слово является общетюркским, поскольку использовалось еще в языке рунических и уйгурских памятников в значении *јаригуақ* ‘лист дерева’: *јаригуақ* лист, лепесток (МК III, 67); (ДТС, 2016: 252). Однако в языке этих памятников маркеры многозначности не представлены. В современном казахском языке слово сохранило первые два значения Словаря, к которым добавляется ещё и третье узуальное значение ‘рисунок, орнамент’: <...> 3. *Кесте, ою-өрнектің жапыраққа ұқсас бір түрі*. ‘Вышивка, один из видов орнамента, похожий на листочек’. *Шолпыны жапырақ, жылан көз сияқты ою түрлері өрнектеген*. ‘Орнаменты шолпы представлялись как змеинные глаза’ (Д.Досжанов)» (ҚТС 1999: 210). В современном кыргызском языке лексема

также многозначна и некоторые узуальные значения идентичны значениям Словаря и современного казахского языка: **жапырақ** 1. то же что и жалбырақ; *сары каз учин, кол толгон жапырақ жатып дон болгон* (фолькл.), желтые гуси, летая, озеро заполнили; листья холмами лежали. 2. клочок, лист бумаги *бир жапырақ кагаз* или клочок бумаги (Юдахин, 1985: 233).

Жейде – «рубаша старинного киргизского покроя. Это бязевый халатъ съ воротомъ шалью, на правой сторонѣ завязывается шнурками. Теперь такія рубашки носятъ только старики» (Кирг-РС, 1897: 71). Общей семей для двух вещей (рубашки и халата) является обозначение ‘мужской одежды’. ЛСВ связаны между собой радиальными отношениями, поскольку каждое из этих значений мотивировано главным значением ‘одежда’. Лексема **жейде** в самой словарной статье дается как «старинного», «носятъ только старики». Несмотря на это, слово сохранилось в современном казахском языке и только в значении мужской рубашки: <...> **жейде** жерг. (диалек.). *Ерлердің сырт көйлегі*. ‘Мужская рубашка’. *Екі-үш жейде салып алған артық болмайды*. ‘Лишним не будет положить две-три рубашки’ (ҚТС, 1999: 226). Многозначность слова в современном казахском языке значительно сузилась. Ни в ДТС, ни в этимологическом словаре Э.Севортяна это слово не зафиксировано, возможно, оно национально узуальное, или диалектное.

Жійек – «оторочка, кайма, край, иногда берег. *Жійекте оторочить*. ‘Обшивать края’» (Кирг-РС, 1897: 71). Лексема обозначает разные предметы действительности: край одежды, процесс (прошить по краю), край чего-либо, край водного пространства, ограниченный сушей. ЛСВ объединены общей семей – обозначение ‘крайности’, которая непосредственно мотивируется каждым из составляющих узуальных значений в рамках радиальной полисемии. В современном казахском все лексико-семантические варианты сохранились без изменения: *судың жиегі, жолдың жиегі* и т.д.

Жол – «дорога, путь, право. *Кара жол*. ‘Торная, Ызжая дорога, несчастный путь, дурное поведение’; ак жол ‘счастливый путь, честное поведение’. *Жолун болсын*. ‘Добрый путь’ (пожелание). *Жол аур*. ‘Дорогая плохая, дурная’. *Улу жол*. ‘Большая дорога’. *Узак жол*. ‘Длинный путь’. *Жол аш*. ‘Дать дорогу, проложить дорогу, начать’. *Жол тап*. ‘Найти дорогу, подыскать выходъ изъ затруднительного положенія’. *Жол ал*. ‘Повадиться, открыть себѣ путь, дорогу’. *Жол байла*. ‘Задержать на дорогѣ, остановить’» (Кирг-РС, 1903: 79). В Словаре также даны различные формы слова: *жолат, жолдан, жолмен* и дериваты: *жола, жолама, жолдас, жолдастас, жолаушы, жолак, жолиши* и т.д.

Безусловно, слово относится к общетюркскому пласту, учеными отмечены два его древних архетипа: **dol* (Doerfer), **ʉol* (А.М.Щербак). Лексема **жол** в различных фонетических вариантах имеется во многих тюркских языках: *йол* – древнетюрк., гаг., турец., турк., кум. и т.д.; *йул* – тат., баш.; *йол* – узб., *жул/юль* – тат.диалек., *д’ол* – алт., *чол* – хакас., *жол* – казах., ккалп. и т.п. В этимологическом словаре тюркских языков зафиксировано около десятка значений слова: дорога, направление (казах.,турк.), поездка, ход, путь, скорость, полоса, убеждение (азер.), право, законность, разрешение, позволение (ккалп.), судьба (сюг.), подарок (кирг.) (ЭСТЯ, 1989: 218). Многие из этих значений нашли отражение и в исследуемом Словаре, где ряд лексико-семантических вариантов многозначности показаны не только словесными дефинициями, но и контекстуальным употреблением. В силу этого здесь имеют место типы многозначной семантики не только по типу языковой мотивированности (*Кара жол. Улу жол*), но

и топологические (*Жол аш. Жол тап.*), ассоциативные (*Ак жол*). Общей семой для некоторых ЛСВ может быть обозначение направления. В современном казахском языке в слове *жол* некоторые узусальные значения сохранились, но вместе с тем наблюдается и семантическое расширение в обозначении традиций обрядов как ‘подарок’ *Міне той бастаған жолың*. ‘Вот подарок за церемонию обряда’. (С.Сейфуллин). Как отмечают Х.Махмудов и Г.Мусабаев, *жол* может обозначать обычаи, правила, а также выражать единичность ситуации (*бір жолы*), линию, строку, полосу, полосатый (*жол-жол* или *жолак*); *жол-жол сиса* ‘полосатый ситец’ (КРС, 1954:177).

Журт – «народъ (въ цѣломъ составѣ его, или часть, толпа, много людей), площадь круга, на которомъ раньше стояла кибитка. *Журт айтар*. ‘Народ скажет’. *Журт үәліи*. ‘Гласъ народа, гласъ Божій’. *Журтта гал* (проклятіе) ‘отстать отъ всѣхъ’ (во вліяніи)» (Кирг-РС, 1903: 85). Референтными являются два понятия – народ (толпа) и место, главное значение – комитативно-локативное значение, общая сема ‘собирательное множество’. Узусы связаны между собой метонимическими отношениями, *журт* ‘народ’ и *журт* ‘место, аул’, где находился народ. Выражение *Журтта гал* – неясно, расплывчато, однако в казахской культуре, действительно, есть проклятие *Жұртта қалғыр*. ‘Будь проклят’. *Жұртта қалды*. ‘Остался один, бродяга’. Семантическая связь с главным значением сохраняется, хотя в выражениях проклятия наблюдается распад полисемии. Многозначность слова восходит к древнетюркскому языку, слово активно употреблялось в языке рунических и уйгурских памятников. *Jurt* 1. Дом, владение, место жительства, земля, страна: *usün buntatu juartda jati qalur erti* они остались жить на земле Усын-Бунтату (Тон.19); *ölümüg unitma güriin jurtuñ ol* не забывай о смерти, твоя могила – твое пристанище (QBN 38811); *bedük bir jurt el kün erdi* была большая страна и большой народ (ЛОК 301); 2. Руины, развалины (МК III 7) (ДТС, 2016: 300). Таким образом, в языке памятников раннего средневековья семантика многозначности оказалась шире, ЛСВ вариантов оказалось больше, однако в процессе исторического развития наблюдается сужение семантического потенциала многозначности, что запечатлено в исследуемом Словаре.

Зат – «вещь, матеріаль, предметъ, имущество, драгоценность. *Зат емес*. ‘Ничего не стоитъ’. *Заты жаман*. ‘Нехорошаго происхожденія» (Кирг-РС, 1903: 90). Главное значение – обозначение различных предметов действительности, общая сема ЛСВ – обозначение ‘некой вещественности’ в окружающем мире. Отношения между узусами могут смешанными, радиально-цепочными, поскольку так или иначе каждое узусальное значение связано с главным значением и между собой. Непонятно включение в эту группу слова «драгоценность», незафиксированное в тюркских словарях со словом *зат*. В казахском языке есть выражение *құнды зат* ‘ценная вещь’, когда речь идет о дорогих предметах и вещах. Выражение *заты жаман* в значении ‘без роду и племени’ до сих встречается в казахской культуре. Однако в современном казахском языке по сравнению со Словарем многозначность слова шире и представлена другими ЛСВ: *ЗАТ. 1. Табиғаттағы барлық жанды-жансыз нәрселер. 2. Адамның күнделікті тұрмысқа қажетті керек-жарақтары; дүние-мүлік, бұйым. 3. Зат алмасу* – барлық тірі организмдердің тіршілігі үшін қажетті биохимиялық реакциялар мен химиялық өзгерістер. 4. Зат есім (лингв.) – заттың атын білдіретін сөз табы. 5. Заты басқа – ерекше, бөлекше, өзгеше (ҚТС, 1999: 269). В древнетюркском словаре слово не зафиксировано.

Зуулда – «гудѣть, выть (про вѣтеръ), быстро пролетать (птица)» [Кирг-РС 1897: 91]. Главное значение – обозначение движения, общей семой является ‘интенсивность движения’, типичная, повторяющаяся, закономерная как для ветра, так и для птиц. В современном казахском семантика слова расширена за счет новых реалий действительности и самого языка. В современной фонетической версии зуылда может означать любой интенсивный звук, шум, в т.ч. издаваемый машиной, техникой. **Зуылда** 1. *Зу-зу еткен шуыл дыбыс шығару.* ‘Издавать интенсивный звук’. *Жел шығады, қою қамыс зуылдайды.* ‘Ветер пронесся, густой камыш зашумел’. (М.Жұмабаев). *Тез жүру, зымырау.* ‘Быстро ходить’ (букв. бежать с шумом). *Бұл кезде қара «Волга» зуылдап өте берді.* ‘В это время с шумом пронеслась черная “Волга” (Тоқаев)» (ҚТС, 1999: 240). В современной казахской полисемии зуылда/зуылдау имеется также и метафорическое значение: «зуылдау 1. гудеть, свистеть (напр., о ветре); 2. Быстро летать (о птице). 3. перен. говорить скороговоркой, без остановки» (Махмудов, Мусабаев, 1954:194). Не случайно о человеке, говорящем быстро, без остановки, говорят *Ол зуылдап кетті. Ол зуылдатты.* ‘Он говорит без умолку’.

Кабак – «брови, вѣки, нависшее надъ глазами мѣсто. Сайдын кабагы. ‘Закраина оврага, берегъ, склонъ горы’. *Ас кабак.* ‘Тыква’» (Кирг-РС, 1897: 94). Главное значение – обозначение предмета, общая сема для узем – ‘то, что свисает’. Связь между уземами цепочно-смешанная. В современном казахском языке кабақ означает не только веки и берег, но имеет переносное значение *кабагы жабық* ‘хмурый, сердитый’; *бүгін қабағың ашық көрінеді* ‘вижу сегодня (ты) весел’; *біреудің қасы мен қабағына қарау* ‘чувствовать себя зависимым от кого-либо’ (Махмудов, Мусабаев, 1954: 418). Выражение *кабагы жабық* – метафорическое переносное значение. В древнетюркском языке не отмечается. Однако Э.В. Севортян пишет, что слово встречается в различных тюркских языках, определяет разные его смыслы от многозначных до омонимичных, отмечает в некоторых случаях как ареальное, в других как диалектное: **Кабак.** Ареальное слово. М.Рэсэнин восстанавливает праформу *kabak. Возможно, восходит к тюркскому қапақ < қап ‘покрывать’, ‘закрывать’ (ЭСТЯ, 1989: 161). В ЭСТЯ приводятся некоторые смысловые компоненты кабақ в тюркских языках: *лоб, лицо, передняя сторона* тур. диал., азерб. диал.; *бровь* алт., *край, карниз* каз., *обрыв баш., козырек, пригорок* тув., *склон горы* тат. диал., *расселина* ккалт., *рытвина, впадина* кирг. (ЭСТЯ, 1989: 162). В кыргызском, как и в казахском языке, употребляется как соматизм и в некоторых других значениях: **Кабак** I 1. веко, веко с надбровной дугой; 2. *кабак ач-* стать довольным, веселым 3. *рытвина, впадина жашынарга кабак жок* нет впадины, где спрятаться. Кабак II. Тыква, тыквянка. *Аш кабак;* *суу кабак* тыквянка для воды (Юдахин, 1985: 310). Таким образом, в Словаре многозначность кабақ имеет преимущественные связи со значениями тюркских языков.

Кажа – «растереть (ремнемъ или желѣзомъ кожу до крови); сдѣлать царапину трениемъ одного предмета о другой; подсмѣиваться, задѣвать на словахъ. *Айякты етик кажады.* ‘Сапоги натираютъ (мозолятъ) ногу, когда тѣсны’. *Сен бизди кажай бересин.* ‘Ты нас все задеваешь, смеешься’» (Кирг-РС, 1897: 96). Главное значение – ‘процесс’, общая сема для узем – обозначение трения. Отношение между уземами – метафорический перенос по функции.

Каза – «смерть, уронъ, ущербъ, убытокъ. *Казалы.* ‘Смертный’. *Казалан.* ‘Умереть, потерпеть убытокъ, ущербъ’» (Кирг-РС, 1897: 96). В Словаре также запечатлены дериваты

(*Казал.*) (*Казалан.*) Слово стилистически окрашенное, употребляется в связи с потерей человека и домашних животных, общее значение узем ‘утрата’. В настоящее время значение слова фактически не изменилось: смерть человека так и обозначается *қаза болу*, *қаза табу*, а ущерб, падеж скота обозначается конструкциями типа *мал қазадан аман ‘со скотом все благополучно’*. В общетюрских словарях ДТС и ЭСТЯ слово не фиксируется, но оно используется в киргизском языке, фактически в тех же значениях, как и в казахском. **Каза** I ар. судьба, предопределение; кончина, смертный час: *каза бол-или каза тап-*; или южн. *каза кыл-* скончаться; *ажалынан каза тапкан* он умер своей смертью; *жан бар жерде каза бар* (поговорка), где есть душа, там есть и смерть; *казасы жеткен* его смертный час настал; *намаздың казасы* пропущенная молитва (которую необходимо совершить) (Юдахин, 1985: 316).

Как – «лужа отъ дождя или снѣга на гладкомъ мѣстѣ (такыр); постила; ударять; бить въ барабанъ; в дверь; сильно встряхивать (кошму, чтобы пыль выбить); взбрасывать ладонью бабки и ловить ихъ другой стороной руки въ игръ капкакыл; прибивать гвоздь; задеть кого-то» (Кирг-РС, 1897: 96). В словарной дефиниции слова только два первых его значения следует отнести к лексико-семантическим вариантам. **Как** ‘затвердевшая земля в лунке от дождя’ (в этом значении слово устаревшее) и *пастила* (в тексте «постила») **как** засушенный фрукт, яблоко, абрикос, урюк (в современной версии *курага*). Общая сема - ‘засушенность’, ‘отверделость’. Все остальные примеры в значении ‘стучать, издавать звуки’ (*ударять; бить въ барабанъ; в дверь; сильно встряхивать кошму*) – омонимы, выраженные глаголом **как**, что также подтверждается словарями современного казахского языка, в которых значения твердости и стука представлены в данной лексеме как омонимичные явления.

Кам – «печаль, забота, польза. *Береудин камын же.* ‘Заботиться о комъ’ Камык ‘печалиться, грустить. *Кам көңүлдү.* ‘Печальный, грустный’. *Камыктыр.* ‘Печалить’. *Камыгу.* ‘Печаль, кручина, тоска’. *Ол сойлеп отурганы менин камым.* ‘Онъ говоритъ въ мою пользу’. *Камдан.* ‘Заботиться, сбираться въ дорогу, хлопотать объ отъѣздѣ’. *Камкор.* ‘Опекунъ» (Кирг-РС, 1903: 101). Слово этнически идиоматично, в общетюрских словарях его нет, но есть в современном казахском и киргизском языках, также в значении проявления заботы, участия в современном казахском языке *қамын жеді*. В киргизском языке семантика значительно шире: **Кам**. I. ир. незрелый, неспелый *кам алма* - неспелые зеленые яблоки; *кам тери-* невыделенная, сыромятная кожа. **Кам**. II. ар. 1. забота *кам же-*, или *кам кор-*, или *кам ур-* проявлять заботу; 2. *кам-ку* горе, печаль *бөөде кам-ку болбо* не печалься напрасно; 3. готовый, находящийся в порядке *жол азыги кам беле?* Путевое довольствие готово? (Юдахин, 1985: 335).

Келте – «короткій. *Келте-кезик.* ‘Родъ горячки’. *Келте куйрук.* ‘Лошадь с коротким хвостомъ’. *Келте сай.* ‘Не длинный оврагъ’. *Келтійт.* ‘Укоротить’ (одежду, веревку)» (Кирг-РС, 1903: 114). Главное значение – обозначение качества предмета, общая сема ‘недлинный’: короткий хвост лошади, недлинный овраг. Выражение *келте-кезик* ‘болезнь’, ‘лихорадка’ раскрывает картину мира казахов той эпохи – это устаревшее слово, в современных казахских словарях не встречается. В общетюрских словарях не зафиксировано, но имеет многозначные смыслы в киргизском языке. **Келте** I. тиф. бөртмө келте, сыпной тиф. **Келте** II. ир. 1. короткий *өзу мынча чоң туруп куйругунун келтеси* (верблюд) сам такой большой, а хвост у него короткий; 2. *келте чарым, келте*

чам подмётка; 3. *келте тай* двухлетний жеребец; 4. *келте тил*. **Келте** III. (в эпосе) род старинного ружья. Ак келте название ружья богатыря Манаса (Юдахин, 1985 : 371). Таким образом, семемы «короткий», «болезнь» совпадают в Словаре, а также в современных казахском и кыргызском языках.

Кемер – «вовышенность, лежащая на алкап (см. это слово); край чашки, крутой берегъ рѣки. *Кемерле*. ‘Наполниться до краев’. *Кемерлет*. ‘Налить почти через край’» (Кирг-РС, 1903: 114). Референтные свойства знака обусловлены тремя предметами: возвышенность, чаша, берег. Главное значение – обозначение предмета действительности, общая сема – выражение высоты, отношения между ЛСВ смешанные и радиально-цепочные. В современном казахском языке сохраняется значение высоты в чем-либо (берега, предмета, верхней части одежды), но вместе имеет переносное метафорическое значение, например: «*Кемерінен асты – деңгейінен асып төгілді*. ‘Достиг небывалых высот’. *Кемеріне түсті*. – *басылды, тынышталды*. ‘Сдался, успокоился’» (КТС, 1999 : 301). Таким образом, значение многозначности расширяется в данном случае за счет контекста и синтагматических сочетаний. В общетюркских словарях слово не встречается.

Кес – «рѣзать, рубить, кроить платье, рѣшить дѣло, опредѣлить платежъ. *Ағаш кес*. ‘Рубить дерево’. *Сөз кес*. ‘Прекратить, окончить разговор’. *Кеси́б айт*. ‘Сказать положительно, на отрѣз’. *Кесинди*. ‘Отрубокъ дерева, кусокъ, часть’. *Кесип түсүр*. ‘Отрубить’. *Шай кесилди*. ‘Чай сталъ жидким’. *Ауру кесилди*. ‘Выздоровѣть окончательно’. *Кол кесилди*. ‘Быть обезоруженъ’. *Жасын кесилсин*. ‘Пропадай, заberi тебя холера’ (проклятіе дѣтямъ). *Тлеуин кесилсин*. ‘Будь несчастнымъ’ (проклятіе). *Кесек*. ‘Кусокъ хлѣба, мяса, комочекъ земли, камня’. *Кесим*. ‘Назначение платежа’. *Кесекте*. ‘Кидать камнями’. *Кеспек*. ‘Кадка, бочка’» (Кирг-РС, 1903: 114). **Кес** – глагол, класс которого весьма продуктивен в синтагматике, парадигматике и в деривации, что нашло отражение в Словаре. Главное значение ‘динамичное действие’, общая сема для ЛСВ – обозначение результата действия: *Ағаш кес*. *Сөз кес*. *Ауру кесилди*. *Кесип түсүр*. *Кол кесилди*. *Шай кесилди*. Во фразеологизмах *Жасын кесилсин*. *Тлеуин кесилсин* выражено эмотивно отрицательное значение, заклятье, маркированный культурными ритуалами казахов на рубеже веков. Глагол в этих идиомах сохранил значение результативности, законченности *Жасын кесилсин*.букв. ‘Пусть жизнь твоя завершится’. *Тлеуин кесилсин*. ‘Пусть надежды не сбудутся’. **Кес** – общетюркское слово, истоки его восходят к пратюркским и древнетюркским корням, активно используется в ранних тюркских письменных памятниках. Так, в ДТС представлены его многозначные смыслы, такие, как ‘резать, делить’, ‘прерывать, прекращать’, ‘отрезать, преграждать’ в значении результативности и динамичности действия, а также отмечается распад полисемии: **Kes** II. *bir kes etmāk* кусок хлеба (МК I 329) (ДТС, 2016: 321).

Интерес также представляют и отглагольные имена, производные от **кес**: *Кесинди*. *Кесек*. *Кесим*. *Кеспек*. Значение их определяется словообразовательными формантами, в которых отражена картина мира казахов того времени. Семантика слова *кесим* в значении *платеж* (как это даётся в Словаре) изменилась и обозначает в современном казахском языке ‘приговор’ *сот кесімі* ‘приговор суда’ (Махмудов, Мусабаев, 1954: 208). *Кесим* в значении «платёж» – устаревшее слово, вместо него чаще всего используется төлеу: **Платёж** м.1. (действие) *төлеу* (*белгілі бір шарт бойынша ақша төлеу* – платеж по договору); 2 (сумма) *төлем* (*төленген ақшаның сомасы* – сумма выплаченного); послать наложенным платежом *төлеп алатын етіп жіберу кесімі* (PKC, 1954: 528).

Конур – «темно-сѣрый, смуглый, тёмно-русый; кауряя лошадь, день. Конур салкын. 'Прохладный день' (лѣтом, когда нѣсколько пасмурно)» (Кирг-РС, 1987: 125). Референтами знака являются три вещи: цвет, масть лошади и день, главным значение – обозначение признака, общая сема 'тёмный цвет'. Отношения между уземами – радиальные. В общетюрских словарях ДТС и ЭСТЯ слово нефиксировано. В современных казахском и кыргызском языках семантическое значение слова расширено за счет эмотивных маркеров и переносных значений. Так, в казахском языке **Қоңыр** 1. *Қара мен қызылдың арасындағы қою күрең түс*. 2. *Ауыс. Жұтаң, жадау ғана тіршілігі бар*. 3. *Ықылассыз, көңілсіз, салкын*. Қоңыр аю. Қоңыр бұйра шай. Қоңыр қаз. Қоңыр дауыс (үн). Қоңыр жел (самал). Қоңыр жаз (күз). Қоңыр күй. Қоңыр салқын (КТС, 1999 : 407).

Кут – «душа, присутствие духа, благополучие. *Кутум кашты*. 'Растерялся'. *Кутай*. 'Быть благополучнымъ'. *Кутайт*. 'Дать благословение, обилие (Богъ.)' *Кутты*. 'Благополучный, счастливый, приносящий съ собой кому благополучие, счастье'. *Кутты болсун*. 'Пожелание, поздравление'. *Кутукта*. 'Поздравь'» (Кирг-РС, 1897: 139). *Құт* – общетюрское слово, истоки его находятся в пратюркском и древнетюркском языках, в которых *qut* также является многозначным: 1. Душа, жизненная сила, дух; 2. Счастье, благо, благодать, благополучие *qorqta temis qut bergäi men temis*. Он сказал: «Не бойся я ниспошлю (букв. дам) тебе благодать» (ДТС, 1964: 73).

Эти самые значения сохранились в Словаре-памятнике XIX: душа, благополучие, обилие, достаток, счастье, представленные в слове кут смыслы связаны между собой значением положительной коннотации, и, безусловно, являются лексико-семантическими вариантами одного слова и в этом значении до сих встречаются и в современном казахском языке. В словарной статье вместе с другими формами и дериватами данного слова приводится единица речевого этикета *Кутты болсун/ Құтты болсын*, актуальных в различных радостных жизненных ситуациях современного человека.

Майталман – «самый красивый (человѣк, лошадь)» (Кирг-РС, 1903: 147). Литературное слово, главное значение его проявляется в признаковой характеристике предмета действительности, общая сема – обозначение качества, уземы находятся в радиальной связи. В современном казахском языке семантика слова расширяется. Например: «**майталман** 1. очень сильный, выносливый (о коне); 2. осведомленный, сведущий (о человеке); 3. неосуществленное желание, досада» (Махмудов, Мусабаев, 1954: 233). Третье значение слова в современном казахском языке связано с другими лексико-семантическими вариантами в контексте переносных значений.

Мандай – «лобъ, счастье, переключина, предприятие. *Кудай мандайыннан жарылкасын*. 'Желаю тебѣ счастья, успѣха въ дѣлахъ'. *Мандайша*. 'Верхняя переключина у дверей кибитки'. *Мандайлы*. 'Счастливый'. *Мандайсыз*. 'Несчастный'» (Кирг-РС, 1903: 149). Общая сема ЛСВ – обозначение передней части, «счастье» в словарной статье употреблено в переносном значении. Неясно, как слово *предприятие* связано со словом мандай, здесь, возможно, та или иная реальность того времени. В современном казахском языке *маңдай* употребляется и как соматизм, часть лица человека, а также имеет множество переносных значений. Например, **маңдай** <...> 4. ауыс. (перен.) *Бір нәрсенің ең жақсысы, таңдаулысы, алдыңғы қатарлысы*. 'Лучшее, передовое чего-либо или кого-либо'. *Аудандағы жігіттің маңдайы еді*. 'Был самым передовым джигитом в районе' (Уайдин). *Маңдай терін төкті*. 'Работал не покладая рук'. *Маңдайына сыймады*. 'Потерял. Умер'. *Маңдайынан шертіп жүріп алды*. 'Отличный выбор, попал в десятку'.

Маңдайының соры бес елі. 'Глубоко несчастный' (ҚТС, 1999: 240). Таким образом, в современном казахском семантика слова *маңдай* расширяется благодаря оценочным и переносным значениям.

Мата – «красный товар, льняные или бумажные материи (шөберек)» (Кирг-РС, 1903: 150). В слове запечатлена картина мира казахов того времени, почему мата называется «красным товаром»? Быт казахов на рубеже двух столетий зависит от кочевого образа жизни, от пищи, в основном мясной и молочной, которой казахи могли обеспечивать сами себя. Однако материалы, ткани казахи вынуждены были покупать, ездить на базары, в селения и города, что стоило немалых затрат и что могла сделать в основном родовая знать. Более того красивые материалы – шелковые, льняные, хлопчатобумажные (бумазея) нужны были для женщин, матерей, жен, сестр, дочерей, к которым в культуре казахов было особое уважение. Поэтому в словарной статье используется выражение «красный товар», в значении 'дорогой', 'красивый', 'необходимый для женщин'. *Бумажная материя* означает 'бумазею', так казахи называли хлопчатобумажную ткань, ситец, сатин. Главное значение *мата* – обозначение вещи, общая сема ЛСВ – вид товара. В современном казахском языке *мата* означает только материал в целом, т.е. наблюдается сужение семантики по сравнению со значением слова в Словаре. В древнетюркском словаре слово не фиксируется.

Мин – «недостаток, излишек, неровность, шероховатость, ошибка. *Сөзүмнөн мин тапты*. 'Он нашёл неправильность в моих словах'. *Окта мин жок*. 'Стрела прямая и ровная везде'. *Октай минсиз*. 'Прямая как стрела'. *Мине*. 'Снять, соскоблить с предмета, который дёлают'. *Ултан мине*. 'Вырывать излишки подметок у сапогов, когда шьют'. *Минсиз*. 'Неимеющий недостатков (тёлесных) очень красивый'» (Кирг-РС, 1903: 152). Референтное содержание знака – 'значимое отсутствие' предметов действительности: недостатки в предметах, в вещах, в человеке, в его речи. Однако значение недостатка, отсутствия чего-либо коррелируется со значением идеальной достаточности, раскрывая особенности этнического восприятия мира, ментальности казахов и других тюркских народов. Поэтому в Словаре даются следующие выражения: *Окта мин жок*. 'Стрела прямая и ровная везде'. *Октай минсиз*. 'Прямая как стрела'. Или о человеке красивом, не имеющем физических недостатков: *Ол минсиз*. 'Он идеальный, красивый'. В древнетюркском словаре слов в отмеченных значениях нет. В современном казахском языке по сравнению с многозначной семантикой слова в Словаре, следует отметить сужение семантики *мін*: *Кем-кетік, кінәрет, ақау*. **Мін жоқ** – кемшілігі жоқ, мінсіз. **Мін тақты** – кінәлады, айыптады. **Мінін бетіне басты** – кемшілігін көзіне айтты. **Мінін қазды (терді)** – мін табуға тырысты, мін іздеді (ҚТС, 1999 : 474).

Полученные результаты

В процессе проведенного исследования получены следующие результаты.

Тюркские народы в своей исторической письменной традиции применяли различные графические системы, среди которых на протяжении столетий наиболее активно использовалась арабская графика. Однако на рубеже XIX – XX веков в силу политико-социальных, культурно-просветительских и других причин тюркские народы Центральной Азии начинают переходить на латиницу и кириллицу.

Для перехода на кириллицу царская Россия, кроме своих миссионеров, привлекает также национальные кадры, интеллигенцию, грамотных людей. В этот период были написаны образовательная, художественная и религиозная литература на кириллице (буквари, самоучители, словари, художественные религиозные тексты), Исследуемый «Киргизско-русский словарь» относится к их числу, выдержал два издания (1897 г., 1903 г.), каждый из которых опубликован в Оренбурге. Словарь находится в архивах гг. Москвы и Казани, до недавнего времени не был исследован и для современной тюркологической науки представляет новые архивные материалы по языку и культуре казахов и других тюркских народов.

Словарь следует отнести к уникальным письменным памятникам, поскольку в нём запечатлены неязыковые и языковые знания (информация). Неязыковые знания включают культурные константы – ритуалы, традиции, обычаи, образ жизни, картину мира казахов на рубеже веков, языковые знания раскрывают особенности языковой системы, лексическую семантику и словарный фонд Словаря. В лексической семантике наиболее интересным оказалась многозначность лексем Словаря.

В целях раскрытия всей полноты картины мира казахов в указанное время, семантического потенциала многозначности авторы статьи связывают семантические пласты многозначности со знаковой, семиотической теорией. Связь многозначности с семиотикой обусловлена референтными свойствами знака обозначать различные предметы действительности одним словом. Однако содержание знака, или его объем, не покрывает языковое значение, что ведет к семантическому расхождению, полисемии слова. В многозначном слове, как правило, выделяются несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ), узем, обозначающие разные предметы действительности. ЛСВ одного многозначного слова объединяются одной общей семой и находятся по отношению к друг другу в метафорических и метонимических связях. В то же время отношения между главным и частным значением определяются как топологические – радиальные, цепочные, смешанные.

В исследуемом Словаре установлен корпус многозначных слов, определены референтные маркеры, связывающее слово со знаком, выявлены общие семы ЛСВ, отмечены отношения между ЛСВ. Более того анализируются семантические связи многозначных лексем Словаря с многозначностью в древнетюркском языке, в языке памятников древнетюркского и уйгурского эпох. Через этимологический словарь устанавливаются семантические параллели многозначности с другими тюркскими языками в их исторической традиции. Важным результатом также оказался сравнительный семантический анализ многозначных слов Словаря и современных тюркских языков (казахского и кыргызского). В процессе анализа уставлены либо расширение семантики, либо сужение семантики многозначности как в диахронии, так и синхронии.

Заключение

Таким образом, исследование многозначной семантики Словаря показывает, словарный фонд памятника демонстрирует систему тюркских языков, их семантический потенциал на рубеже XIX-XX вв. Семантика многозначных слов памятника укладывается в общую теорию многозначности. В содержании многозначного слова как знака отра-

жается множество референтов действительности, что запечатлено многозначными словами памятника. Также выявляется главное значение многозначного слова и общая сема его лексико-семантических вариантов.

Семантика многозначных слов памятника нашла преемственные связи с общетюркскими истоками – пратюркским, древнетюркским, семантикой многозначности тюркских языков в исторической традиции, а также с полисемией современных казахского и киргизского языков. Однако имеет место сужение, но в большей степени расширение семантики многозначности в современном казахском, что обусловлено наличием новых реалий, новых предметов действительности. Вместе с тем в словарных статьях многозначных слов запечатлены устаревшие слова, выражения, идиомы, характерные для той исторической эпохи и раскрывающие картину мира казахов того времени.

Условные сокращения

ДТС – Древнетюркский словарь, 1964; 2016.

ҚТС – Қазақ тілінің сөздігі, 1999.

КРС – Казахско-русский словарь под редакцией Г.Мусабаева, 1954.

РКС – Русско-казахский словарь под общей редакцией профессора Н.Т.Сауранбаева, 1954.

Кирг-РС – Киргизско-русский словарь, 1897; 1903.

ЭСТЯ – Этимологический словарь Э.В.Севортыана, 1989.

Литература

Aksan D., 2004. Türkçenin Sözcükçülüğü: Türk Dilinin Sözlükbilimiyle İlgili Gözlemler, Saptamalar: 3. Basım. Ankara: Ünal Ofset Basımevi. 250 s.

Апресян Ю.Д., 1995. Избранные труды, т.1. Лексическая семантика: 2-е изд. испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры». 472 с.

Boz E., 2017. Sözlükbilim Yazıları I. Gazi Kitabevi. 228 s.

Букварь для киргизовъ. Жазуга ўйрөтөтүн кнеге., 1897. Третье издание. Оренбургъ. Типо-литография Б.А. Бреслина. 90 с.

Букварь для киргизъ. Букуар., 1908. Казань. Центральная типография. 1908. 98 с.

Древнетюркский словарь, 1964. Редакторы В.М.Неделяев, Д.М.Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М.Щербак. Л.:Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 1969. 677 с.

Древнетюркский словарь., 2016. Издание второе, пересмотренное. Под ред. Д.М.Насилова. Астана «Ғылым баспасы». 760 с.

Езгиликке ўйрететин кнеге. Училище благочестія на киргизскомъ языке, 1892 Издание 3. Православнаго Миссионерскаго общества. Казань, Типография М.А. Чирковой. 87 с.

Жубанов Қ., 1966. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы: Ғылым баспасы. 362 б.

Кажобеков Е., 1988. Семантика тюркского слова. Проблемы межуровневой сопряженности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата. 64 с.

Қазақ тілінің сөздігі., 1999. А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білім институты. Алматы «Дайк-Пресс баспасы». 775 б.

- Карцевский С.О., 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М. Наука. С. 56-76.
- Кеңесбаев І., 1987. Қазақ тіл білімі туралы зерттеулер. Алматы: Ғылым баспасы. 352 б.
- Киргизско-русский словарь., 1897. Оренбургъ. Типо-литография Б.А. Бреслина. 1897. 229 с.
- Киргизско-русский словарь., 1903. Издание второе. Оренбургъ. Типо-литография Б.А. Бреслина. 235 с.
- Кобозева И.М., 2007. Лексическая семантика: Учебник.Изд.3-е стереотипное. М.: КомКнига. 352 с.
- Кронгауз М.А., 2001. Семантика: Учебник для вузов. М.Рос.гос.гуманит.ун-т. 399 с.
- Махмудов Х., Мусабаев Г., 1954. Казахско-русский словарь. Отв.редактор Г.Мусабаев. Алма-Ата: Издательство АН Каз.ССР. 574 с.
- Мусаев К., 1984. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 226 с.
- Никитин М.В.,1988. Основы лингвистической теории значения.М.: Высш.школа. 168 с.
- Новиков Л.А., 1982. Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высш.школа. 272 с.
- Русско-казахский словарь, 1954. Под общей редакцией профессора Н.Т.Сауранбаева. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 935 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь, 1989. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” “Ж” “Й”. Ответ.ред. Л.С.Левитская. Т.4. М.: Наука. 293 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка., 2006. Ответ. Ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо. М.:Наука. 908 с.
- Татар лексикологиясе., 2015. Өч томда/ проект жит. М.З. Закиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан:ТӘҺСИ. 352 б.
- Юдахин К.К., 1985. Кыргызча орусча сөздүк. 1 книга. М.: Советская энциклопедия. 475 б.
- Shaimerdinova N., 2015. Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries. URAL- Altaic Studies. Volume 23, ISSUE 4, 2016. Pages 147-156.
- Шаймердинова Н.Г., 2016. Сравнительный анализ языка киргизских/казахских памятников XIX-XX веков и современного казахского языка. Global-Turk//International Journal for Information and Analytics. Astana, International Turkic Academy. PP.158-175.
- Шаймердинова Н.Г., 2018. Словарный фонд казахских кириллических памятников на рубеже XIX-XXв. Материалы III ФОРУМА гуманитарных наук «Великая Степь». Ч.I. Астана, Тюркская Академия. С.492-500.
- Шаймердинова Н.Г., 2019. "Киргизско-русский словарь" (1897): культурные и языковые экспликации. Turkic Studies Journal. 2019. № 1. С. 73 –88.

Reference

- Aksan D., 2004. Türkçenin Sözcükvarlığı: Türk Dilinin Sözlükbilimiyle İlgili Gözlemler, Saptamalar: 3. Basım. Ankara: Ünal Ofset Basımevi. 250 s.

Apresyan Yu.D., 1995. Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kultury». 472 p. [in Russian].

Boz E., 2017. Sözlükbilim Yazıları I. Gazi Kitabevi. 228 s.

Bukvar dlya kirgizov. Zhazuga üiretetün knege, 1897. [Primer for the Kirghiz. A Book for Learning to Read and Write]. 3rd ed. Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina. 90 p. [in Russian].

Bukvar dlya kirgiz. Bukvar, 1908. [Primer for the Kirghiz]. Kazan: Tsentralnaya tipografiya. 98 p. [in Russian].

Drevnetyurkskii slovar, 1969. [Old Turkic Dictionary]. Eds. V.M. Nedelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad: Nauka. 677 p. [in Russian].

Drevnetyurkskii slovar, 2016. [Old Turkic Dictionary]. 2nd rev. ed. Ed. D.M. Nasilov. Astana: Gylym Baspasy. 760 p. [in Russian].

Ezgilikke üiretetin knege. Uchilishche blagochestiya na kirgizskom yazyke, 1892. [Book Teaching Virtue. School of Piety in the Kirghiz Language]. 3rd ed. Kazan: Pravoslavnoe Missionerskoe Obshchestvo. 87 p. [in Russian].

Zhubanov Q., 1966. Qazaq tili zhönindegi zertteuler [Studies on the Kazakh Language]. Almaty: Gylym. 362 p. [in Kazakh].

Kazhibekov E., 1988. Semantika tyurkskogo slova. Problemy mezhurovnevoi sopryazhennosti [Semantics of the Turkic Word: Problems of Interlevel Correlation]. Abstract of Dr. Sci. dissertation. Alma-Ata. 64 p. [in Russian].

Qazaq tiliniñ sözdigi, 1999. [Dictionary of the Kazakh Language]. Almaty: A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Daik-Press. 775 p. [in Kazakh].

Kartsevskii S.O., 1965. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the Asymmetrical Dualism of the Linguistic Sign]. In: Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Moscow: Nauka. P. 56–76. [in Russian].

Keñesbaev I., 1987. Qazaq til bilimi turaly zertteuler [Studies in Kazakh Linguistics]. Almaty: Gylym. 352 p. [in Kazakh].

Kirgizsko-russkii slovar, 1897. [Kirghiz–Russian Dictionary]. Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina. 229 p. [in Russian].

Kirgizsko-russkii slovar, 1903. [Kirghiz–Russian Dictionary]. 2nd ed. Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina. 235 p. [in Russian].

Kobozeva I.M., 2007. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]. 3rd ed. Moscow: KomKniga. 352 p. [in Russian].

Krongauz M.A., 2001. Semantika [Semantics]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 399 p. [in Russian].

Makhmudov Kh., Musabaev G., 1954. Kazakhsko-russkii slovar [Kazakh–Russian Dictionary]. Ed. G. Musabaev. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 574 p. [in Russian].

Musaev K., 1984. Leksikologiya tyurkskikh yazykov [Lexicology of the Turkic Languages]. Moscow: Nauka. 226 p. [in Russian].

Nikitin M.V., 1988. Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya [Foundations of the Linguistic Theory of Meaning]. Moscow: Vysshaya shkola. 168 p. [in Russian].

Novikov L.A., 1982. Semantika russkogo yazyka [Semantics of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola. 272 p. [in Russian].

Russko-kazakhskii slovar, 1954. [Russian–Kazakh Dictionary]. Ed. N.T. Sauranbaev. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 935 p. [in Russian].

Sevortyan E.V., 1989. Etimologicheskii slovar. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Zh", "I" [Etymological Dictionary. Common Turkic and Inter-Turkic Roots Beginning with "Zh" and "I"]. Vol. 4. Ed. L.S. Levitskaya. Moscow: Nauka. 293 p. [in Russian].

Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka, 2006. [Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Proto-Turkic Language and the Worldview of the Proto-Turkic Ethnos]. Eds. E.R. Tenishev, A.V. Dybo. Moscow: Nauka. 908 p. [in Russian].

Tatar leksikologiyase, 2015. [Tatar Lexicology]. In 3 vols. Project leader M.Z. Zakiev. Ed. G.R. Galiullina. Kazan: TÄHSI. 352 p. [in Tatar].

Yudakhin K.K., 1985. Kyrgyzcha oruscha sözdük [Kyrgyz–Russian Dictionary]. Book 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 475 p. [in Kyrgyz].

Shaimerdinova N., 2016. Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries. *Ural-Altaic Studies*. Vol. 23. No 4. P. 147–156.

Shaimerdinova N.G., 2016. Sravnitelnyi analiz yazyka kirgizskikh/kazakhskikh pamyatnikov XIX–XX vekov i sovremennogo kazakhskogo yazyka [Comparative Analysis of the Language of the Kirghiz/Kazakh Written Monuments of the 19th–20th Centuries and the Modern Kazakh Language]. *Global-Turk: International Journal for Information and Analytics*. P. 158–175. [in Russian].

Shaimerdinova N.G., 2018. Slovarnyi fond kazakhskikh kirillicheskikh pamyatnikov na rubezhe XIX–XX vv. [Vocabulary of Kazakh Cyrillic Monuments at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Materialy III Foruma gumanitarnykh nauk "Velikaya Step"*. Part I. Astana: Turkic Academy. P. 492–500. [in Russian].

Shaimerdinova N.G., 2019. "Kirgizsko-russkii slovar" (1897): kulturnye i yazykovye eksplikatsii ["Kirghiz–Russian Dictionary" (1897): Cultural and Linguistic Explications]. *Turkic Studies Journal*. No 1. P. 73–88. [in Russian].

Сведения об авторах:

Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. К. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан.

Scopus ID - 57192978581

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра общего языкознания и тюркологии, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация.

Scopus ID - 55933013200

Рахаткызы Назгул, PhD, старший преподаватель, кафедра тюркологии, факультет международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. К. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан.

Information about authors:

Shaimerdinova Nurila Gabbasovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Turkology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 K. Satpayev str., Astana, Republic of Kazakhstan.

Scopus ID - 57192978581

Yusupova Alfiya Shavketovna, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Turkology, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation), 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, Russian Federation.

Scopus ID - 55933013200

Rakhattyzy Nazgul, PhD, Senior Lecturer, Department of Turkology, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 K. Satpayev Street, Astana, Republic of Kazakhstan.

Авторлар туралы мәлімет:

Шаймердинова Нурила Габбасовна, филология ғылымдарының докторы, профессор, түркітану кафедрасы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қ, Сәтбаев көш., 2, Астана, Қазақстан Республикасы.

Scopus ID – 57192978581

Юсупова Альфия Шавкетовна, филология ғылымдарының докторы, профессор, жалпы тіл білімі және түркітану кафедрасы, Қазан (Еділ бойы) федералдық университеті (Қазан, Ресей Федерациясы), Кремлев көш., 18, Қазан, Ресей Федерациясы.

Scopus ID - 55933013200

Рахатқызы Назгүл, PhD, аға оқытушы, түркітану кафедрасы, халықаралық қатынастар факультеті, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Қ.Сәтбаев көш., 2, Астана, Қазақстан Республикасы.

Вклад авторов:

Н.Г.Шаймердинова определила основную методологию и теоретическую базу исследования, осуществила семантический анализ практического материала, используя различные лекскографические материалы тюркских языков в диахронии и синхронии, принимала участие в интерпретации полученных результатов и научном редактировании рукописи, обеспечив методологическую целостность и логическую последовательность изложения.

А.Ш.Юсупова осветила историко-культурную часть исследования, осуществила сравнительно-сопоставительный анализ многозначности в тюркских языках, написала результаты исследования.

Н.Рахатқызы сделала сбор практического материала его и анализ, работала над литературой и стилизацией иллюстрации на казахском языке, подготовила структурно текст статьи к публикации.

Contributions of authors:

N.G. Shaimerdinova developed the main methodology and theoretical framework of the study, conducted the semantic analysis of the empirical data using various lexicographic sources from Turkic languages in both diachronic and synchronic perspectives, participated in the interpretation of the findings, and carried out the scientific editing of the manuscript, ensuring its methodological coherence and logical consistency.

A.Sh. Yusupova covered the historical and cultural aspects of the study, conducted a comparative analysis of polysemy in Turkic languages, and wrote the research results.

N. Rakhatkyzy was responsible for the historical and cultural aspects of the study, collected and analyzed the empirical material and the text of the monument, reviewed the relevant literature, prepared and stylistically refined the Kazakh-language examples, and structured the manuscript for publication

Авторлық үлес:

Н.Г.Шаймердинова зерттеудің негізгі әдіснамасы мен теориялық негізін айқындады, түркі тілдерінің диахрониялық және синхрониялық лексикографиялық материалдарын пайдалана отырып, практикалық материалдарға семантикалық талдау жүргізді, алынған нәтижелерді интерпретациялауға және қолжазбаны ғылыми редакциялауға қатысып, зерттеудің әдіснамалық тұтастығы мен мазмұнының логикалық бірізділігін қамтамасыз етті.

А.Ш. Юсупова зерттеудің тарихи-мәдени бөлігін ашып көрсетті, түркі тілдеріндегі көпмағыналылыққа салыстырмалы-салғастырмалы талдау жүргізді, зерттеу нәтижелерін жазды.

Н.Рахатқызы зерттеудің тарихи-мәдени бөлігін әзірледі, практикалық материал мен ескерткіш мәтінін жинақтап, талдау жасады, ғылыми әдебиеттермен жұмыс істеді, қазақ тіліндегі иллюстрациялақ мысалдарды стилистикалық тұрғыдан өңдеді және мақаланың құрылымын баспа талабына сәйкестендіріп дайындады.

Conflict of Interest.

There is no conflict of interest related to this article.

Мүдделер қақтығысы.

Мақалаға байланысты мүдде қақтығысы жоқ.

Конфликт интересов.

Нет конфликта интересов, связанного со статьей.